

Забывтое знакомство

Карета остановилась у невысокого обрыва, откуда открывался вид на залив и рыбацкую деревню. Должен был открываться, потому что отец поспешно задернул шторы и вышел вон. Только бросил напоследок:

— Оставайся здесь.

Девочка несколько мгновений вслушивалась в его удаляющиеся шаги, потом в мелкий перестук камешков, катящихся со склона. Снаружи всхрапывали и били копытами кони, вскрикивали, будто переругивались, птицы. А за всем этим — море, море, море! Огромное, почти бескрайнее, оно гулко вздыхало, толкаясь о невидимый девочке берег мягкой грудью и вновь отступая.

В карете было темно и душно. И вдобавок невыразимо скучно. Терпение быстро иссякло — ну нечем ей заняться: разве что снова выдергивать золотые нити из обивки сидений, опостылевших за долгие дни пути. Девочка распрямила затекшие ноги и задумалась — не станет же папенька ругаться, если она отойдет от кареты всего на два шажочка? Не станет, разве только пальцем погрозит и тут же простит, как прощал ей до этого все выходки.

Она тихонько потянула за изогнутую крылом медную ручку, и лаковая дверца приоткрылась с тихим скрипом, потонувшим в новом чаящем вопле. Морской ветер, будто

только того и ждал, швырнул ей в лицо горсть мелких брызг и рванул шляпку так, что та едва не улетела.

Девочка облизнула соленые губы, рассмеялась и совсем откинула густую черную вуаль — здесь она ни к чему. Рина огляделась и увидела, что кучера Антона тоже нет на месте, он ушел в деревню с отцом. Тем лучше, некому будет нажаловаться.

Море оказалось не синим, не лазоревым и не небесно-голубым с радужными переливами от солнечных лучей. Ее глазам открылось поле молочной ртути, что на горизонте сливалось с таким же скорбным небом. Рина пожалала плечиками и, подтянув тесемки плаща, зашагала к краю обрыва, за которым скрылся отец. Она никогда прежде не видела рыбацких деревень. Она вообще мало что успела повидать.

Каблуки ее высоко зашнурованных сапожек вязли в рыхлой песчаной земле. На такой хоть рисунок, все видно будет. Протанцевав до края, Рина заглянула за него.

Деревенька оказалась на удивление тихой. Может, все ушли в море?

Но, переведя взгляд выше, к водной кромке, Рина вдруг увидела силуэт отца. Он выглядел необычно: вместо гордой осанки — полусогнутая спина. Боком, пригнувшись, он приближался к воде, а рядом с ним кучер и его верный помощник Антон растягивали в руках рыболовную сеть. Как будто они собирались поймать кого-то.

Дальше, в воде, там стояла фигура. Кто-то совсем маленький стоял, и волны толкали его со всех сторон, пытались повалить на колени, захлестнуть с головой. А вокруг... на поверхности волн безжизненно лежали какие-то рыбины, ими двигала только вода, но не они сами. Большие рыбины, с человеческий рост. С руками и ногами, с юбками и в рубашках, со светлыми и темными волосами, что треплет приборой... Не рыбины. Люди. Все они лежали в прибое лицами вниз, головой к ртутному горизонту.

Все, но только не тот мальчик. В том, что это мальчик, ее ровесник, Рина уже не сомневалась.

Отец и Антон растянули сеть, приближаясь к линии прибора. Они хотят поймать его? Этого ребенка?

Тут отец обернулся и увидел ее. Он закричал:

— Назад! Прячься!

Рина попятилась, сделала только один неверный шаг, но обрыв уже посыпался, поплыл под ее ногами, и она заскользила по песку и гальке вниз.

Мальчик, до того неподвижно смотревший на волны, тоже повернул голову. Светлые пряди захлестнули его бледное лицо.

Рина, запутавшаяся в юбках на кринолине, ободравшая ладони даже сквозь перчатки, замерла, не сводя взгляда с его тощей фигурки в развевающихся на соленом ветру пепельных лохмотьях.

И чужой голос в ее голове вдруг спросил:

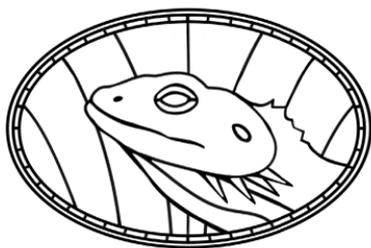
«Кто ты?»

*Непостижимо само бытие Серафимов.
Однако ведома им любовь не лишь духовная, но и мирская.
Называю себя сыном Крылатых Мудрецов не с гордыней,
но со смирением. Ибо жизнь дарована мне с целью единой:
проводить тебя, и тебя, и родителей твоих, и детей
твоих сквозь сотни лет молчания.
Великим Благословенным именем не наречен я, но обречен.
И Свет Крадущим ведома любовь, и плоды любви сей не обречены,
а наречены Великим Проклятым именем.
И грезит каждый из оных о сотнях лет слепоты.*

Наставления Диаманта

ДЕЛО №1: *Счастье как жар-птица I*

Сквозь частые перекрестья узких оконных рам Архива свет проскальзывал будто бочком, стараясь не касаться высоких тонкокостных стеллажей, шатких стопок пергаментов и груд свитков.

Луч перешагнул через выдающего немелодичные носовые рулады Хранителя, рассеянно погладил по лысеющей голове Рустикса, который тайком размазывал козявку по корешку фолианта четырнадцатого века, и на цыпочках подобрался к кудрявому светловолосому пареньку лет восемнадцати, младшему из троих работников Архива. Тот совершенствовался в тонком искусстве сна с открытыми глазами. Если бы случайный прохожий, никоим образом не знакомый с делами Ордена, заглянул в эти глаза, он содрогнулся бы — настолько нечеловеческими они были: то были глаза ястреба, золотисто-желтые и прозрачные, как застывшая в тысячелетиях смола; зрачок, будто древнее живое существо, замер в ее глубине.

Но случайный прохожий никак не мог попасть в здание Архива, так что содрогаться было некому, и парень продолжал таращиться на страницу с переписью рыцарей Ордена за тысяча шестьсот девяносто второй год, а кончик гусиного пера уже истек красными чернилами на пергамент и безнадежно высох. Тут луч коснулся носа парня всеми пылинками, которые он нацеплял на свой шлейф,

пока гулял между полок, кудрявый сморщился и чихнул во весь голос. Где-то между стеллажей прокатился шорох бумажной лавины.

— Я пишу, пишу! — вскрикнул парень, очнувшись. — Я не сплю!

— Ила-а-ай! — протянул Хранитель с другого конца зала самым сварливым своим тоном. После такого обращения всякий поймет — добра не жди. — А ну иди сюда, паршивец!

— Вот же демон! — шепотом выругался незадачливый переписчик по имени Илай. — Химера рогатая, будь я трижды проклят!

— Гемм Ила-а-ай!

В тот миг он испытал почти такой же ужас, как когда ему вынесли приговор и заточили здесь.

— И угораздило же, — все так же тихо бормотал Илай, обреченно шаркая к высокой кафедре, над которой уже покачивалась пегая, как перепелиное яйцо, голова Хранителя Архива.

Еще миг — и на переписчика уставились глаза старика: когда-то пронзительно-синие, но теперь поблекшие до водяной прозрачности от того, что Хранитель долгие годы не использовал свой талант.

— Я слышал колыбельную, — подозрительно протянул Хранитель, — навязчивую такую мелодийку... Признайся, твоя работа, шельмец?

— Колыбельную? — Илай сдвинул брови с самым невинным и в то же время сосредоточенным видом. — Не понимаю, о чем вы, я не слышал никаких посторонних звуков. Разве что муха пролетала полчаса назад — от восточного окна к южному.

Притворство далось ему с трудом, но он знал, что бывшему дознавателю ничем не расколоть его, если он только сам не признается — слишком слаб лазурит старика.

Но тот был не так прост. Говорили, в свое время он чуть было не попал в Орден и не стал Сияющим, но предпочел остаться на старой службе.

— Я вижу больше, чем могут мои бесполезные глаза, — угадав его мысли, рывкнул Хранитель, перегнулся через край кафедры и ухватил Илая за подбородок длинными серыми ногтями. Бледные радужки стариковских глаз на долю секунды затянулись синими прожилками и тут же угасли. У Илая подогнулись колени. — Кому, как не тебе, вытворять такое? Я знаю, ты заполз мне в голову со своей дурацкой песенкой! Думал, усыпишь старика и сбежишь в город через Черный сад? Но ты настолько слаб и глуп, что своим шепотком усыпил нас обоих! Ха, мальчишка, не провести тебе меня! Не сегодня!

Илай отшатнулся от мерзких нестриженных когтей Хранителя, оставивших след на его лице. Ему было противно, что его план был так легко разгадан. В груди бурлило что-то раскаленное и вязкое, как смола. Но он не позволит себя сломать, не покажет своего разочарования, даже если он обречен навеки остаться в Архиве. Если бы он только добрался до учебного корпуса, если бы только смог объясниться!

За спиной Илая захихикал увалень Рустикс, сосланный на бумажную работу за вопиющую тупость и неспособность использовать дарованный ему талант. Зелень уже увядала в его маленьких, близко посаженных глазах. Здесь, в Архиве, нет нужды в талантах геммов, здесь их кладбище.

Но Илай не таков! Он был лучшим, одним из лучших кадетов! И теперь, пока остальные геммы уже вступают в должность и начинают нести службу, он осужден поблукнуть и исчезнуть в этих стенах, состоявших, казалось, из прессованной пыли!

— Малютка Янтарь усыпил себя сам, — не унимался Рустикс. — Заболтал сам себя!

— Захлопни пасть, пустышка! — огрызнулся Илай.

Архив почти отравил его своей дремотой, и Илаю хотелось движения, любого, даже если это будет движение кулака к носу тупицы Рустикса. Но тогда он выйдет отсюда и вовсе несоро.

— Ну-ну! — раздался насмешливый голос. Не в голове Илая, как это бывало часто, а в самом Архиве. Илай встрепенулся, сердце радостно застучало. — Доброго дня, господин Хранитель.

Все обернулись на статного молодого мужчину в шерстяном плаще и треуголке, отряхивающего с плеч снежную крупу. Его темно-рыжие волосы были убраны в хвост и перевязаны бархатной лентой, а глаза светились таким же неестественно желтым, что и у Илая.

— Ваше Превосходительство, — сварливо проскрипел Хранитель, тускнея на глазах. — Чем обязаны вниманием Сияющего?

Илай догадывался, но верить боялся. Михаэль, рыцарь Ордена Сияющих и по совместительству его куратор, раньше тоже был в ранге гемма-янтаря, но настолько преуспел в службе, что был произведен в ранг Топаза самим Диамантом. Илай в нем души не чаял.

Михаэль с учтивой улыбкой коснулся края треуголки, отороченной лебяжьим пухом, и пояснил:

- Я здесь, чтобы забрать своего кадета.
- Его наказание за дерзость еще не закончено.

Илай, конечно, и сам недоумок — это ж надо было разозлить самого ненавистного наставника перед днем выпуска!

— Обстоятельства изменились, — спокойно возразил Михаэль, — и наказание велено считать завершенным.

От возмущения у Хранителя аж голова затряслась на шее, отчего Рустикс, о котором все благополучно позабыли, тупо захихикал, но тут же осекся, поймав свирепый взгляд Хранителя, и убрался восвояси.

— Полагаю, мое мнение... — завел старик.

— ...чрезвычайно ценно, — закончил за него Михаэль и продолжил, обращаясь уже к Илаю: — Немедленно одевайся.

Не помня себя от счастья, Илай бросился за верхней одеждой. Застегнул на все пуговицы мундир учебного корпуса,

хоть отрастить усы! Жизнь вмиг стала бы невообразимо легче и прекраснее.

Город неся навстречу черным саням, прохожие с оханьем и криками бросались врассыпную под свист кучера и его хлыста. Посторонись! Торговые ряды и доходные дома, кабаки и хибары исчезали в снежной пурге, поднимаемой конскими копытами и наточенными полозьями. Посторонись, дело государственной важности!

— Итак, к делу, — невозмутимо продолжил Михаэль. — В городе давно действует банда контрабандистов. Это обыденность, с которой вашей команде вряд ли придется сталкиваться часто, ведь, напоминая, ваша главная обязанность — проводить следствие по делам, в которых замешаны мистерики и прочие нечистые еретики. Миссия эта негласная, но и забывать о ней не стоит. Понимаешь, о чем я?

Пронзительные желтые глаза Михаэля впились в Илая, и тому оставалось только кивнуть. Обычные полицейские попросту не способны угнаться за преступным умом и силой мистерика, владеющего чарами, ваятеля, изобретающего проклятые механизмы, или спятившего капурна, повелевающего мертвыми. А что до нечисти или неразумных монстров, кишачих по углам и канавам этого города и всей страны? Или, к примеру, демонопоклонников, способных ради своих господ на все? Как ни посмотри, обычным смертным не обойтись без заступничества геммов, возвращенных Церковью Святых Серафимов. Его, Илая, как и остальных геммов его поколения, вырастили именно для этой миссии.

Стон хлыста — и какой-то бродяга летит в сторону с рассеченным лицом, изрыгая мутные проклятия. И хватило же ума бросаться под рыцарские сани!

— Возвращаясь к нашим контрабандистам. Не хмурься, знаю, ты рассчитывал на какой-нибудь блестящий подвиг, но служба в полиции состоит не столько из захватывающих перипетий, сколько из угнетающей рутины. Однако на этот раз эти подонки, контрабандисты, грозятся спровоцировать

международный скандал, поэтому твоим новым руководством, господином полицмейстером и по согласованию со мной лично было решено подключить вас четверых к поимке.

— Вам нужен «неслышный голос», — решил открыть рот Илай.

— Именно. Хотя вы и прошли полное обучение, но сегодня особенно важно показать слаженность ваших действий. Не подведи меня, — произнес Михаэль тише, и его пальцы сжали плечо гемма сквозь шерсть форменного плаща учебного корпуса.

Со всей спешкой они преодолели путь всего за четверть часа, и сани остановились в безымянном переулке на задворках столицы, в Забродье.

Юноша прыгнул в чавкнувший серый снег и закинул тяжелый мушкет на плечо.

— Действуй по Уставу. Во славу Крылатых. — Михаэль глянул на него сверху вниз.

Илай сложил ладони на груди в жесте, символизирующем крылья Святых Серафимов.

— Не посрамлю чести! — воскликнул он запальчиво и щелкнул каблуками ботфортов, из которых тут же выскочили по бокам загнутые крюки «когтей».

Михаэль скупно кивнул ему и подал знак кучеру трогать. Вскоре его и след пропал, смешавшись в колее с другими. Дальше Илай должен был справиться сам.

Юноша огляделся. Проведя все детство и юность в стенах монастыря, в городе он ориентировался больше по картам, чем по личному опыту. Их растили вдали от мирской грязи, сохраняя души чистыми для служения. Служения на этих самых грязных улицах, которые он видел впервые.

Какая-то женщина со свекольно-румяными щеками, караулившая прохожих у входа в подозрительный подвал, заметила юношу в мундире, поманила его пальцем и распахнула залатанную душегрею. Под душегреей оказались

тяжелые голые груди. Илаю вмиг стало так жарко, что даже немного больно. Он тряхнул головой и отвернулся, хоть уличная женщина пыталась привлечь его внимание развязными криками. Может, она — морок, призванный отвлечь его от миссии? Ну, нет! Он не посрамит чести, как и обещал до этого Михаэлю!

Илай разбежался и, оттолкнувшись подкованными подошвами, ухватился за карниз окна ближайшего каменного здания. Дальше тело вспомнило само, а «когти» ему в этом помогли — двигаясь, как длиннорукий гиббон, он подтягивался и вновь подскакивал, пробирался между карнизов и наличников, повисал на ставнях, пока не оказался на двускатной черепичной крыше какой-то мануфактуры, откуда открывался прекрасный... кого я обманываю, довольно отталкивающий, но все же ясный вид на эту часть Вотры. Вся грязь осталась внизу, с крысами, нечистью, несвежими трупами, которые не всегда успевали найти и опознать до того, как тем обглодают лица; а здесь было солнце и облака, будто подсвеченные тайной благодатью серафимов.

Янтарные глаза Илая сощурились, он весь подобрался и бросился вперед по гребню крыши, а достигнув края, легко перескочил с ее конька на соседнее здание. Не будь его тело подготовленным, а ботфорты — оснащенными когтями, он бы попросту сорвался вниз и сломал себе шею. Но Илай был тем, кем ему посчастливилось родиться и вырасти — он был геммом, а значит, он был лучше прочих. По крайней мере, он в это искренне верил.

Михаэль четко указал ему направление в портовый район. Илай бежал, прыгал, подтягивался и вновь бежал. Мушкет оттягивал плечо, мешая двигать лопатками, но на тренировках он вытворял и не такое. Ветер швырял ему мелкий снег в лицо, но холодно уже не было — гонка разогрела тело изнутри. Другие геммы уже ждут его, и времени до приказа все меньше. Илай забрал немного западнее, соскользнув по глиняно-черепичному скату и затормозив у желоба водо-

стока. Впереди — порт с вставшими на якорь бригантинами, чьи мачты возвышались над тонущим в серой дымке кварталом рыбьими остовами. Туда-то ему и дорога. Еще одна крыша, другая. Вниз летят обломки черепицы и пустые птичьи гнезда.

Наконец он остановился, придерживавшись рукой за печную трубу, и снова взгляделся вдаль — в тридцати метрах от него мелькнул вечно растрепанный пучок Дианы — младшей сестры в их отряде. Со спины не видно, да он и так знает, что за толстыми линзами ее окуляров скрываются глаза цвета глубокой зелени, какие и положено иметь малахиту. Диана уже переделалась в форменный мундир сысского ведомства, но выглядела в нем так, будто втихаря напялила чужую одежду. Нахохлившись и положив покрасневшие пальцы на рукоять короткого клинка, она всем телом подалась вперед, готовая в любой миг сорваться с места.

Чуть ближе к наблюдательному пункту Илая, в тени груженной сеном телеги, притаилась Норма. Илай знал, что такие развлечения ей не по душе — Норма всегда хуже всех справлялась с тренировками, промахивалась даже по неподвижным мишеням и пользовалась особым нерасположением их общего наставника по атлетике, то и дело отработывая штрафы. Норма заметила Илая первой, сверкнув своими лазуритами.

«Я пришел, — шепнул он Норме. — Каков план?»

Ее взгляд несколько смягчился, хоть радужки все так же обжигали синим льдом.

«Преступники внутри здания. Лестер на позиции. Полицейстер отдаст приказ — и он ворвется. Мы пресекаем попытки к бегству», — бесцветно отрапортовала она. Только одна Норма и понимала, как именно стоит общаться с носителем неслышного голоса, каким был Илай, — отсекай все охи и вздохи, доносить только то, что нужно, короткими мысленными фразами, чтобы не отвлекать. Впрочем, это

Счастье как жар-птица |

не удивительно, ведь ее талант тоже касался чужих разумов, но иначе.

«Значит, засада, — сориентировался Илай и переключился на невидимого с его позиции Лестера: — Лес!»

«Здоров, братишка! — тут же заорал тот. — Как дела, уже кончилась твоя ссылка? Всю пыль в Архиве задницей протер? Аха-ха-пх-х-х-х... А нечего было этому блр-пр-фр-р-р...»

«Лес, не егози! — Илай поморщился и помассировал висок, другой рукой снимая с плеча и пристраивая на колене мушкет. — Кто с тобой?»

«Только мы с Фундуком, — с готовностью отозвался Лес. — Пятеро полицейских выдвинулись к складу, мы тоже готовы».

«Наши полномочия?»

«Не убивать, — на этот раз понял с первого раза Лес. Вообще, он был довольно сообразительный малый, хоть и порывистый. — Всех на допрос».

Вот, значит, зачем здесь Норма.

«Диана», — позвал Илай, заметив движение нескольких фигур у стен склада.

«Я готова», — ровно отозвалась она.

«Только никого не прикончи», — напомнил он, но ответа дожидаться не стал. Младшая терпеть не могла, когда с ней говорили неслышным голосом, все твердила, что это как щекотка пером, только внутри головы.

Покончив с переключкой, Илай, одним глазом поглядывая, как рядовые полицейские слаженно и тихо скручивают расхлябанного вида охрану у ворот, стал заряжать мушкет. Отгрыз у патрона бумажный мундштук, сплюнув на сторону горькую пороховую крошку, ссыпал крупинки в ствол и быстро утрамбовал их шомполом. Затем взвел курок, наведя дуло на неприметную калитку в задней части склада. Уж очень заманчиво она выглядела — будь он контрабандистом, непременно бы ей воспользовался.

Впрочем, Илай до сих пор не понимал, для чего он здесь. Не в целом: он твердо знал, что сыскное для него только этап, ступень на пути. Он не мог взять в толк, для чего нужен элитный отряд из четверых обученных геммов при обычной поимке каких-то голодранцев? Вон как эти молодцы ловко управляют, никто им не нужен.

Смахнув с губы приставшую крупницу пороха, Илай приметил полицейского с блестящими эполетами, что красноречиво указывало на его право принимать решения, деликатно постучался в его мысли. Не полноценной фразой, только вопросительной интонацией. Уловил в ответ подтверждение и тут же шепнул Лесу: «Вперед!»

До него донесся еле слышный перестук мягких лап массивного тела, а после — треск и лязг, обескураженные вопли и хлесткие звуки ударов. Кто-то внутри выстрелил, и Илай только сильнее нахмурился и сильнее припал к прицелу — это не мог быть Лес. Но тут же раздался голос брата, вполне обычный, раскатистый и радостно-злой:

— Куда ты, куда, лепиться изволишь?! Н-на! — и грозное ворчание.

Понеслось.

Из калитки ожидаемо выскочил мужчина в распахнутом тулупе. Илай нажал на крючок, и мужик упал с расцветающим алым пятном на плече. Илай разодрал зубами очередной бумажный патрон.

«Норма!»

Пуля впиалась в землю у ног другого контрабандиста, тот подскочил на месте пегим зайцем и улепетнул в другую сторону, к трущобам, где грозился затеряться окончательно. Сестра промазала.

— Штоб тебя, — сплюнул Илай. Нет, им с Лазуриком определенно здесь не место, их таланты созданы для кабинетов и кулуаров, для салонов и комнат дознания, а не для этой суматохи. И продолжил неслышно:

Счастье как жар-птица |

«Диана, на девять часов, серый полушубок».

«Сизый», — отозвалась Охотница на бегу. Она и без его подсказки заметила беглеца, по которому промахнулась Норма.

Не прошло и пяти секунд, как Диана настигла контрабандиста, чего Илай не видел, но услышал. Оставалось надеяться, что несчастный не истечет кровью до ареста.

Его мушкет снова был заряжен, а курок взведен. А тем временем внутри склада воцарилась подозрительная тишина — уже никто никого не лупцевал, не крушил и не трепал зубами, точно обнаглевшую амбарную крысу.

«Лес, живой?» — окликнул Илай.

«Заходите, тут просто пхххх-ффф».

Вздохнув, Янтарь снова подал мысленный знак полицейскому с блестящими эполетами и приготовился спускаться на землю. Расправившись со стеной и спрятав бесполезные на земле когти, Илай выпрямился и встретился взглядом с Нормой. Та выглядела несчастной.

— Я не справилась, — сообщила она, дрогнув губами.

— Ты и не должна была. — Илай слегка потянул за обшлаг ее новенького мундира. Ему тоже предстояло обзавестись таким, если только полицмейстер не отошлет их с позором обратно под крыло Диаманта. — Твоя работа только впереди.

Норма благодарно кивнула, якобы незаметным жестом смахнув обиженные слезы с темных ресниц, обрамляющих ярко-синие глаза, и принялась теревить кончик дымчато-русой косы.

Увы, благословенные серафимами глаза хоть и даровали орлиное зрение, меткости не гарантировали. Но Норма, безупречная во всем, что касалось ее таланта, тяжело переносила этот свой изъян.

— Так идемте же, сударыня. — Илай склонился в галантном поклоне, перенятом у Михаэля, и протянул сестре ладонь. — Чернь должна увидеть вас во всем блеске.